

ОЛЕГ ГАРКУША

Шоумен группы "Аукцион", автор текстов, исполнитель, поэт, человек очень замечательный. Примерный, до крайности худой, весь какой-то вытянутый и чем-то сверху пригнутый. Несколько бледноват, на вид странно, с жестами мелкими, робкими, легко отскакивающими от тела, но не перелегающимися невидимой, строго очерченной границы, со взглядом замкнутым и пристальным.

Никогда не улыбается. Родом из ФЭКС'а - из виртуозной пластичности немого кино, любит Гайдаю. Сам абсурдист, ценит японскую поэзию.

Более всего озабочен сохранением собственной спонтанности, которую воспринимает как образ свободы и средство дистанции от окружающего мира. Экцентрик и лирик, он вошел в Городскую мифологию и литературу.

Живи он где-нибудь, Феллини, Пазолини и Фассбиндер уже придумали бы с ним разные истории и превзошли бы самих себя. Не то у нас. И не потому, что нет кинорежиссеров, а потому, что нет кинорежиссеров с воображением, готовых ринуться куда угодно и уверенных в необходимости освободить людей от нездоровой страсти к истине.

Существующая театральная сцена заставляет Олега держаться от театра подальше, оставаясь в более или менее свободной структуре программы "Аукциона".

Первый выход на подмостки "Аукциона" произошел в изящном и одновременно монументальном почти спектакле-опере "Вернись в Сорренто" в 1986 году.

Последний - в программе 1991 года. Между этими событиями расстояние, длиною в сюжет Олега Гаркуши.

Сюжет начался с темы утраченного рая, когда в первой программе группы Сергей Рогожин, похожий на прибалтийского ангелочка из хора Паулса, совершенно невероятно спел "Вернись в Сорренто". Когда итальянские звуки отлетели, сцена распахнулась: здесь были Город - место изгнания и - Олег Гаркуша. Два персонажа, которым и вместе никак, и врозь невозможно.

Музыканты группы напоминали античный хор, беря сторону то одного, то другого, но строго следя за балансом сил. Уже тогда сложился визуальный и пластический образ Олега-персонажа: черный почти-смокинг, декорированный ослепительной бижутерией, скользящая походка и пляска, напоминающая тридцать два фута сразу.

К пляске-всплеску Олег подбирался на протяжении всей программы, сбивая со следа, маскируясь, прячась и выходя на свет.

Сегодня на концертах группы уже нет или почти нет никаких декораций, музыканты обрели профессионализм и уверенность, ушел Сергей Рогожин и появился Владимир Веселкин, заполнивший собой почти все свободное пространство, пронзая все торжественной и светлой пошлостью. Олегу удастся добыть для себя маленький пятак, на который он загнан (или опять изгнан?) вместе со своей робостью, деликатностью и эксгибиционизмом человека, не желающего выпадать из детства, из состояния ан-

дерграунда и переходить в мир, вызывающий у него тошноту. И здесь же происходит поворот темы: оказывается, все, что защищало раньше, сегодня оборачивается вроде решетки в известном месте, но маска уже довольно крепко приросла к лицу.

Не потому ли он говорит об этом в своей последней работе, на пластинке "Дупло"?

Сейчас сюжет подошел к крайней точке, в которой прежний образ свободы (спонтанности) оказался почти смыт цунами имитации.

Но чем сильнее и радостнее веселкинский напор, до странности схожий с картинками повседневности, тем безнадежнее и отчетливее сопротивление Гаркуши, которому кроме этого ничего больше и не остается.

Потому что отсюда его, как Чаплин Мальша, уже никто не уведет.

Лариса МЕЛЬНИКОВА

992

Ярелга

22 ЯНВАРЯ

11